

СЛОВО В ЖИЗНИ И ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ

Алукаева М. Р.

*аспирант кафедры риторики
и стилистики русского языка*

Уральского федерального университета

Аномалии в текстах пьес молодых драматургов Урала*

Речевая среда современности — главный фактор влияния на язык пьес драматургов Урала, целенаправленно использующих тенденцию к либерализации норм, которая ярко проявляется в отношении носителей современного русского языка не только к системно-языковым нормам, но и к нормам культуры, коммуникации, этики, этикета и поведенческим нормам.

В качестве материала для данного исследования были взяты тексты пьес молодых драматургов Урала: Александра Архипова «Дембельский поезд», Василия Сигарева «Черное молоко».

Оттолкнемся от работы М. А. Кронгауза, посвященной языковым процессам третьего тысячелетия. Автор выделяет три основных тенденции, меняющие культурный облик современного русского языка XXI века: «криминализация», «гламуризация», «профессионализация» [Кронгауз 2008: 18].

Процесс криминализации проявляется в «переходе “бандитских” слов в разряд общеупотребительных (*достать, наезд, беспредел*)» [Там же: 26]. Процесс гламуризации характеризуется появлением так называемых «гламурных текстов, в которые входят слова и выражения, составляющие особый свод правил «как себя

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

вести», «какую одежду носить», «что есть», «что читать», «куда ходить» и т. д.» [Кронгауз 2008: 33]. Эти тексты, характеризующиеся особой стилистикой, модальностью, тематикой, свидетельствуют о появлении особого социального слоя людей, стремящихся жить «красиво» и стильно. «Третья лексическая волна — профессиональная» [Там же 2008: 45]. Проявляется в смене названий профессий: например, менеджер по персоналу — *эйчар*. Причиной выбора английского варианта являются престиж и деньги. Подобная лексика осваивается носителями русского языка, которые заняты в новых и обновляемых сферах профессиональной деятельности.

В текстах пьес молодых драматургов Урала отсутствует гламурная лексика: герои пьес новой волны дистанцированы от «красивой» жизни. То же с тенденцией к профессионализации: слово *компьютер*, например, не является принадлежностью речи персонажей, у которых, как правило, нет определенного рода занятий.

Активно используется авторами тенденция к нелитературности, которая проявляется в маргинализации: герои выброшены из интеллектуального пространства. Главная тенденция, которая находит отражение в исследуемых нами текстах, — тенденция к раскультированию традиций, проявляющаяся в аномалиях. Выделим виды этих аномалий.

Первое знакомство с героями пьес происходит через перечень действующих лиц. В нем указаны имена героев (чаще клички: «*Мелкий*», *она же Шура*, *Женя-Алиса*), указывается их возраст: *Левчик — 28 лет*, *Мишаня — 55 лет*, *Тихон — 26 лет*, *Ваня — 18 лет*. Обращает на себя внимание отсутствие информации о профессиях этих людей, о роде их занятий, что создает сложность в определении их социальной роли и статуса, то есть «формально установленного или молчаливо признаваемого места индивида в иерархии социальной группы» [Горелов, Седов 1998: 134]. Так, не закреплены в социуме компаньоны Левчик и Мелкий из пьесы В. Сигарева «Черное молоко». Они продают тостеры, но полученная прибыль зависит от степени непросвещенности покупателей,

которых продавцы пытаются обмануть. Социальная позиция молодых людей оказывается неустойчивой.

Речь молодых персонажей пьес наполнена разговорно-просторечной лексикой и фразеологией: *нету, бесплатно щас и по нужде не сходишь, крикнул, залез к парням со своим уставом*; просторечными образованиями: *чейский, отсюда, считает по-иначе, кина*; драматурги стилизуют просторечное произношение отдельных слов: *щас, че, сто семисят, сбатцай*.

В речи молодых персонажей просторечные элементы соседствуют с жаргонной лексикой. Данная особенность была описана Л. П. Крысиным при характеристике просторечия-1 [См.: Крысин 2008]. Жаргонизмы в речи персонажей маркируют их принадлежность к среде социальных низов. Просторечные и жаргонные элементы предстают как собственно языковые аномалии. Они способствуют созданию впечатления нелитературности:

Левчик. *Я, блин, прикинь, тогда-то, когда поехал отсюда. Вылез, короче, на какой-то станции. Там еще хуже, чем здесь, прикинь. Но народу побольше. Школа даже есть. Короче, пришел я в эту школу. Говорю, презентацию у вас молено сделать. Сотку директору кинул. Все чики-чики. Народу собралось, короче, — все расхватали. Я, блин, сажусь на поезд и еще за партией. Поменьше, конечно, взял. Без тебя потому что. Ну, нормально вообще. Мне понравилось. Билеты влет окупаются. Публика в таких местах вообще замечательная. Зашибись публика. Как дети, ей богу. Такие бабки молено делать, ты себе не представляешь просто. Коси только и коси успевай. Коси и коси. Коси и коси.*

В толковом словаре ненормативной лексики русского языка находим следующее толкование: **Зашибись** жарг. — ‘выражает восторг, восхищение’ [Квеселевич 2005: 286], **чики** жарг. — ‘о ком-либо или чем-либо красивом, ком или чем можно залюбоваться’ [Там же: 969]. Плотность нелитературных элементов зачастую превышает количество литературных, что создает аномальность языка пьес молодых драматургов Урала.

Неправильности охватывают все уровни языка. Бросаются в глаза грамматические ошибки (*детей по три-семь штук*),

холостых пульт заряжает, перед домой), а также обращает на себя внимание простота синтаксиса:

Кассирша. *Перчатки бы тоже взяла. Но только лайковые. А то у меня были — в электричке забыла. Я ж сама не местная. Работаю тут только. На электричке приезжаю. Два года уже как.*

В маргинальной языковой среде вырабатывается «свой узус», свои представления о должном и правильном. Аномальными признаются литературные речевые образцы:

Мелкий. *Я ей сказала, что жизнь поменять никогда не поздно.*

Левчик. *Ну, ты, Мелкий, вообще кукушки лишилась. Кошмар. Тебя в психушку надо будет показать. У тебя-то и базар какой-то стал нездоровый.*

В анализируемых пьесах количество женских образов невелико, но и они не гармонизируют изображаемую жизнь. Например, женщина по имени *Шура* в первую очередь номинируется как *Мелкий*. Используемое как кличка субстантивированное прилагательное в форме мужского рода деформирует тендерный статус персонажа, нейтрализует родо-половую оппозицию. Ничтожность личности подчеркивается лексически: кличка *Мелкий* употребляется как знак уничижительности: ‘не имеющий большого значения, несущественный; не требующий больших затрат, усилий’ [СОШ 2003: 340]. В данном случае проявляется аномальная «маскулинизация общества» [Купина, 2006: 40]. Отметим также, что женская речь персонажей не отличается от мужской: она наполнена просторечными элементами, жаргонной, бранной и нецензурной лексикой. Так, *Мелкий* («Черное молоко») ни в чем не уступает Левчику в словесной перепалке, которая усиливается речевой тактикой отзеркаливания:

Левчик. *Ой, блин. Достала уже со своим животом.*

Мелкий. *Сам достал. До самых гланд.*

Левчик. *Да пошла ты.*

Мелкий. *Сам иди. Чмо... с анальным отверстием на голове.*

Согласно Большому словарю русского жаргона В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной: **доставать** — ‘надоедать, изводить кого-л.’

[Мокиенко, Никитина 2001: 93]; **чмо** — ‘первоначально употр. как аббрев. Человек, морально опустившийся’ [Там же: 704], **заглохнуть** — ‘замолчать’ [Там же: 116].

«Речевая агрессия свободно, без прикрытия соединяется с физическим насилием» [Купина 2007: 5]:

Левчик бьет его (Мелкого) кулаком в живот. Мелкий меняется в лице, отступает, глотая воздух. Потом приседает и ложится на пол.

В условиях непринужденного общения герои часто говорят о том, о чем говорить не принято. Например, детабузируется сексуальная тематика: **Кассирша**. *А Варька у меня дочка, так ей замуж срочно надо. А то ведь двадцать пять годочков, а еще ни под одним мужиком не была. Страшненькая шибко. Но это понятно от чего. Хотеечки это, это пройдет, как только жизнью этой начнет жить.*

Языковые аномалии сочетаются с этическими и этикетными. Запретная тема абортот выносятся на всеобщее обозрение, «отсутствуют представления о непозволительном, неприличном» [Купина 2006: 48]. Нравственные аномалии составляют доминанту аномальной жизни персонажей:

*Левчик. Да че ты! А сколько я бабок выкинул, чтобы ты родить смогла, не помнишь, случайно? А? Ну-ка, скажи, сколько ты абортот сделала, пока ходила, трахалась на каждом углу. Сама, поди, не помнишь? Хочешь, скажу? Карточка у тебя такая есть, знаешь? Из женской консультации такая. А там такая графа есть еще. **Абортот** называется. А напротив нее циферка. Знаешь, какая циферка? **Двузначная циферка**. Вот так вот. Двадцать или пятнадцать циферка. Вот так вот...*

Мелкий. Я отдам тебе... потом.

Левчик. Я че спорю, что ли? Вот, когда отдашь, тогда и забереешь ее (дочь).

В этой сцене Левчик предлагает Мелкому заплатить за их дочь, чтобы она осталась с матерью (с *Мелким*). Даже рассуждая о собственной дочери, Левчик использует схему «товар — деньги». «В текстах молодых драматургов Урала наблюдается вербализация

новой морали, основанной на купле-продаже» [Купина 2007: 5]. Грубая, бранная речь создает впечатление цинического отношения к жизни. Цинизм Левчика распространяется на все, что не может в ближайшие сроки принести доход:

Левчик. *Лева уже думает, как он **Россию возродит** будет. И как ему памятник потом поставят за это из чистого золота. Посмертно. А потом **благодарные потомки** прочтут в учебниках истории параграф про Лева. С картинками. Вот Левчик делает первый шаг на нелегком пути возрождения России — продает квартиру. Вот он забивает последний гвоздь в тело восстановленной лесопильни... Вот он строит крупнейшую в мире ГЭС на местной речке-говнотечке.*

Естественная для молодого поколения тяга к идее заменяется тягой к деньгам и немедленному обогащению:

Левчик. *Давай лучше о возвышенном поговорим. Знаешь, сколько у нас с тобой **бабок**? («Черное молоко»),*

Женя. *В Москве есть институт, я слышал, там на писателей учат. Ты после армейки, да с ранением еще — там тебя с руками оторвут. На тройки сдашь зачеты всякие, ну, стихотворение прочитаешь. И все, потом писать будешь там всякое, книги печатать. **Денег не меряно**, бабы просто вешаться будут. («Дембельский поезд»). Присущий русскому сознанию космоцентризм отсутствует, тематика замыкается на сиюминутном. Последнее свидетельствует о деформации национального характера, национального типа.*

Предпочтения материального духовному — основа новой морали, аномальность которой ощущается некоторыми героями:

Мелкий. *Она (дочь) же будет только **имотки и деньги любить**.*

Левчик. *И че? Классно же. Зашибись же. Я хочу, чтоб так...*

Мелкий. *Левочка, пожалуйста! Отпусти нас, Левочка...*

Левчик. *Плати. **Щас все денег стоит**.*

Социально-культурные аномалии проявляются в утрате установленных обществом социальных ролей; в обстановке «не обманешь — не заработаешь»; в подмене действительности иллюзиями.

Замкнутость пространства, а также отсутствие личностного пространства, не соответствующие ментальным представлениям о пространстве широком, вольном, — сами по себе аномальны — становятся организующим фактором развития действия, концентрирующим особенности поведения (в том числе и языкового) персонажей пьес.

Таким образом, зона интересов персонажей пьес молодых драматургов Урала отстранена от продуктов гуманитарной культуры и их производства; неучастие в культурном строительстве, отчуждение активной жизни — все эти явления представлены «как есть» в языке. Так, мы можем говорить о «лингвистическом натурализме» [См.: Быков, Купина 2006: 105–106], основной приметой которого является достоверность. Лингвистический натурализм «создает иллюзию вседозволенности, но фактически демонстрирует полную подчиненность человека говорящего среде языкового обитания» [Там же]. Напрашивается вывод о том, что герои пьес являются представителями социальных низов, и все речевые аномалии свидетельствуют об аномальности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак: Языки славянских культур, 2008.

Крысин Л. П. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. — М.: Языки славянских культур, 2008.

Купина Н. А. Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии. // Русский язык сегодня : сб. ст. / Рос. акад. наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М., 2006.

Купина Н. А. Маргинальная языковая личность: взгляд молодых драматургов Урала // Русская литература в формировании современной языковой личности: материалы конгр. / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2007.

Купина Н. А. Речевой мир молодых драматургов Екатеринбурга // Языкхудожественной литературы. Литературный язык : сб. ст. к 80-летию М. Б. Борисовой. — Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006.

СЛОВАРИ

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб. : «Норинт», 2001.

Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. — М. : Астрель : АСТ, 2005.

Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2003.

Бортников В. И.

*аспирант кафедры риторики и стилистики
Уральского федерального университета,*

Савченко В. В.

*студентка 1-го курса ф-та международных отношений
Уральского федерального университета*

К проблеме функционирования специальной лексики со значением «материал» в качестве категориального элемента литературно-художественного перевода*

Свойство литературного текста «имитировать определенный тип коммуникации» [Майенова 1978: 433] реализуется в художественном произведении через сторону внутреннюю и внешнюю. Внутреннее, эстетическое, переосмысление реальности, будь то реальность общения или реальность молчания, означает, что выстраивается коммуникация с этой реальностью, т. е. автор вступает с реальностью в диалогические отношения. При этом эстетическое преломление реальности при взаимодействии с нею автора (достаточно полно описанное в научных работах) не отрицает внешней, информативной, стороны любой текстовой

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).